Уроки астрономии проводятся только по средам вечером, и на первом занятии семестра нет домашних заданий. Поэтому, после завершения дневных занятий, первокурсники погрузились в состояние безделья. Авада, естественно, не собирался упускать это драгоценное время - адрес самой загадочной и разносторонней комнаты в Хогвартсе, Комнаты Требований, в данный момент хранится в его сознании. Как только он удачно войдет в Комнату Требований, это будет означать, что его план сделал большой шаг вперед: диадема Равенкло, поврежденный Кабинет Дисаппарации и его собственная секретная исследовательская площадка... Кроме того, там находятся магические принципы Комнаты Требований, магические конструкции диадемы Равенкло и Кабинета Дисаппарации, фрагменты души Волдеморта и другие магические предметы. Если ему удастся полностью проанализировать их с помощью своих магических чувств и разработать соответствующие заклинания... Авада может гарантировать, что ни одно сокровище в магическом мире не столь ценно для него, как Комната Требований! Поэтому, покинув класс Превращений, он, как и другие Хаффлпаффы, устремился в столовую, собираясь поужинать перед тем, как подняться на восьмой этаж. Как Хаффлпафф, нельзя задерживаться с едой. — Эй, Кен! Авада следовал за голосом и увидел, как Барон выходит из противоположного коридора, помахивая ему рукой. — Снова встречаемся. Он поздоровался с однокурсниками из Хаффлпаффа, затем временно вышел из группы и пошел рядом с Балонем: — Как тебе первый день занятий? — Неплохо. — Уголки рта Балона слегка приподнялись. — Хотя большинство из них вещи, которые мне родители еще в детстве учили, пробовать колдовать с палочкой — это действительно новый опыт. Как ты там? — Повезло, что я в основном выучил большинство заклинаний за летние каникулы, так что начинать было не сложно. Хотя голос профессора Бинса на уроке Истории Магии немного гипнотизирует, сама история всё равно очень интересная. — Тебе тоже интересна история магии? Барон был довольно рад найти единомышленника: — Я только что вышел с урока Истории Магии. Ты не представляешь, что я был единственным, кто не спал на всю лекцию! Даже те, кто раньше отличался хорошими успехами, дремали! — Даже представлять не надо. — Авада покачал головой и рассмеялся. — У нас тоже так же. Я даже сомневаюсь, что у профессора Бинса есть какие-то таланты в гипнотической магии. Он всего пару слов сказал, и уже начал храпеть на уроке. Да, то, о чем он говорит, явно довольно увлекательно. — Да. Балон произнес с чувством: — Мои родители с детства говорили мне, что слава крови содержится в истории, и всё, что мы наслаждаемся сейчас, происходит от даров истории. Как чистокровным магам, наша обязанность помнить историю и защищать истину. Это наша ответственность. И мы должны помнить не только почет, но и злодеяния, которые наносят вред чести, и размышлять об этом, чтобы избегать их. Только так слава может продолжаться с кровью и процветать вечно. — Какая admirable... — Авада хотел похвалить слова Барона и обсудить историю магии, но вдруг нахмурился и протянул руку, останавливая Барона. — Что случилось? — Впереди небольшая ловушка. — Через несколько секунд Авада отчетливо увидел структуру магии перед собой, его брови расслабились, и он даже немного рассмеялся. — Проклятие останавливается немедленно. Он вытащил палочку и слегка взмахнул ею, и белый свет распространился, пронзив коридор перед ним. После того, как свет прошел, одна область на самом деле превратилась в маленький участок грязи, а затем несколько раз зашевелилась под действием заклятия. Позже всё вернулось к обычным плиткам. Затем он с легкостью убрал палочку и с игривым взглядом повернулся к боковому углу: — Два старшекурсника, перестаньте прятаться и выходите. Как только эти слова прозвучали, из уголка вышли двое почти идентичных рыжеволосых мужчин с подавленными лицами. Зрачки Балона сжались, вспоминая о легенде Гриффиндора, о которой старшие товарищи предостерегли его прошлой ночью. — Черт возьми, какой позор. Один из парней закричал с нахмуренным лицом: — Мобильный болото, над которым мы работали полсеместра, расколол какой-то мелкий ученик, который только что выучил заклинание левитации! — Как вы это сделали? Авада с юмором смотрел на двойняшек, которые теребили головы в замешательстве, и солгав: — К сожалению, я сам научился многим вещам, и одно из них — это распознавать и разоружать ловушки на Защите от Тёмных

Искусств. — Я предполагаю, вы беспокойные и талантливые шутники из Гриффиндора, Фред и Джордж Уизли? Хаффлпафф, Кен, приятно познакомиться. — О, это ты, чье имя нельзя даже называть! Тройняшки закричали с восторгом, затем повернулись к Барону: — Значит, ты его «кормилец»? — Слизерин, Балон Шафик, для меня честь встретиться с «Магами-Шутниками». — Балон закатил глаза и безжалостно ответил. — Маги-Шутники? Тройняшки одновременно притихли и с восторгом посмотрели друг на друга. — Почему мы не подумали об этом названии раньше?! — Ха-ха, высшее достижение шутки — «Маг-Шутник», который конкурирует с «Анимагом» и «Магом-Маскировщиком»! — Как и ожидалось от Слизерина, способного дружить с Хаффлпаффом, его навыки названия действительно на высоте! Затем они поспешили уйти, не зная, было ли это бегством с места преступления или они хотели в очередной раз заявить о своих новых званиях. У Балона на лбу закипали вены, и он продолжал с недовольным видом: — Это название уничижительное! Уничижительное! Я должен назвать их Магами за Сокращение Очков! — Тогда, возможно, они будут еще счастливее. Авада усмехнулся и сказал: — Давайте подождем, пока это название распространится, а потом пусть профессор Макиног делает с ними, что считает нужным. Нам сейчас надо быть «кормильцами». — Я наконец понял, почему старшекурсники так выражались, когда упоминали этих двоих. Они ставили скрытые ловушки первокурсникам, открыто признавали себя Магами-Шутниками, и даже бросали вызов профессору Макиног... — Это как работает смелость Гриффиндора? Пока он доедал, Балон все еще чувствовал себя немного обиженным, и сила, с которой он кусал куриный окорок, значительно возросла. ... После расставания с Бароном Авада воспользовался моментом, когда вокруг было не много людей, и потихоньку поднялся на восьмой этаж, подошел к стене, которая скрывала вход в Комнату Требований. Хмм, я не понимаю. Подходи и забирай крестеж.— Комната Требований открыта только для тех, кто в ней действительно нуждается... — Я шучу, никто не нуждается в Комнате Требований больше, чем я. Я единственный, кто знает, насколько важны вещи, находящиеся там. Авада пробормотал про себя: «Мне нужна комната, чтобы прятать вещи, мне нужна комната, чтобы прятать вещи...» и трижды прошелся по стене. Внезапно магическая структура внутри стены слилась с его переполняющей духовной силой, произошли крайне сложные и странные изменения. Эти изменения вызвали появление двери на стене, за которой открывалось невероятно обширное и скрытое пространство. Авада открыл дверь и вошел в исключительно обширную и светлую комнату. И хотя эта комната уже была настолько велика, безумное количество беспорядочных вещей все еще заполняло почти каждый уголок этого пространства. Пламя, горящее в воде, книги, которые переворачивают страницы сами, и сделанный вручную золотой снитч, который кажется недоделанным... Бесчисленные сложные и незнакомые магические структуры заполнили магические чувства Авады, вызывая у него головную боль, и он не мог не сожалеть, что забыл еще одно значение Комнаты Требований — На протяжении тысячелетий Хогвартса бесчисленное количество студентов скрывали свои любимые работы или контрабандные предметы, полученные из неизвестных источников, в этой комнате, создав гору магических предметов здесь! Более того, большинство их принципов не сложны, по крайней мере значительно проще и яснее, чем крестеж и сама эта магическая комната. Это также означает, что Авада получит бесчисленные материалы для исследований и экспериментов. В сочетании с магическими чувствами его прогресс достигнет недоступной для других скорости. — Нажрались, нажрались... Он невольно вытер уголок рта, почти наслаждаясь тем, как осматривать едва понятные магические структуры вокруг себя, позволяя бесчисленным идеям внезапно вспыхнуть в его сознании. В этот момент он лишь сожалел о своей посредственной памяти и не мог запомнить все эти структуры и мимолетные вдохновения!